

ЯЗЫК И СТИЛЬ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ В КОНТЕКСТЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17010516>

Файзуллаева З.Б.

*доцент кафедры Общая педагогика ТГПУ им. Низами,
доктор философии (PhD) по педагогическим наукам*

LANGUAGE AND STYLE OF NIZAMI GANJAVI IN THE CONTEXT OF PEDAGOGICAL VALUES

Fayzullayeva Z.B

*Associate Professor of the Department of General Pedagogy,
TSPU named after Nizami,
Doctor of Philosophy (PhD) in Pedagogical Sciences*

Аннотация. Статья посвящена анализу языка и стиля Низами Гянджеви с акцентом на педагогическое осмысление ценностного содержания его поэтического наследия. Рассматривается влияние хорасанского стиля на художественную манеру поэта, а также культурная общность между Азербайджаном и Центральной Азией, что отразилось в богатстве лексики, образности и тематики произведений. Особое внимание уделяется историко-культурному контексту, включая миграционные процессы и взаимодействие тюркских и иранских народов, среди которых могли происходить предки Низами. Через художественные повествования поэм раскрываются глубинные культурные слои, включая отсылки к зороастрийским центрам и реалиям среднеазиатского региона.

Ключевые слова. Культурные ценности, хорасанский стиль, культурная общность, афшины, зороастрийские центры, согдийцы, ценности гуманизма.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the language and style of Nizami Ganjavi with an emphasis on the pedagogical understanding of the value content of his poetic heritage. The influence of the Khorasan style on the poet's artistic manner, as well as the cultural commonality between Azerbaijan and Central Asia, reflected in the richness of vocabulary, imagery and themes of the works, are considered. Particular attention is paid to the historical and cultural context, including migration processes and the interaction of the Turkic and Iranian peoples, among whom Nizami's ancestors could have originated. Through the artistic narratives of the poems, deep cultural layers are revealed, including references to Zoroastrian centers and the realities of the Central Asian region.

Keywords: *Cultural values, Khorasan style, cultural community, Afshin, Zoroastrian centers, Sogdians, humanistic values.*

В эпоху, когда родился Низами Ганджави усиливаются литературные связи народов Азербайджана, Ирана, Центральной Азии и Хорасана. Принадлежащие к одной этнической группе тюркские народы Центральной Азии и Азербайджана, связанные общим персидским языком на протяжении веков, жили в сходных общественно-политических условиях, имели тесные производственные и торговые связи, временами вели борьбу против общего врага. На этой основе формировались и постоянно развивались тесные литературные взаимосвязи.

Культурные связи тюркских народов Центральной Азии и Азербайджана подтверждают общность происхождения, религии и, соответственно, схожесть языка и, частично, обычаев, параллели исторического развития и исторических судеб в древности и средневековье [3].

Короткий обзор исторических и культурных взаимосвязей тюркско-персидских народов Азербайджана и Центральной Азии, а также роли персидского языка, как государственного на протяжении господства всех пришедших друг другу на замену правителей в истории Азербайджана и Центральной Азии, доказывает не только родство великого поэта Низами Ганджави с Центральной Азией, но и возможность переселения предков великого поэта из Центральной Азии в Кум и Гянджу, назвав этим же именем свои новые поселения. Именно поэтому он так по-свойски, с глубоким знанием истории, культуры и традиций народов Центральной Азии, говорит о них в своих поэмах.

Подходим к вопросу: почему Низами открыто не мог говорить о своем происхождении в своих поэмах? Дело в том, что Низами, опасаясь неприятностей со стороны пришедших на замену афшинам правящей верхушки своего времени, до конца мог скрывать свои родословные корни. Поэтому он пишет: «Я – жестоко посаженный в городе родном...»

Низомӣ, зи ганчина бикшой банд,

Гирифтори Ганца то чанд, чанд? [6, с.316].

Низами не мог говорить открыто о своем происхождении, о своих предках, по ясным политическим соображениям. Поэтому не называет свое происхождение, национальность, родину ограничиваясь только словом Кухистан, но со всей душой описывает Центральную Азию, свою родину Ганджа Уструшаны во всей её красоте, изящности, с глубоким знанием каждого региона, места, природы, религии и других отличительных черт центральноазиатских народов. Даже конь «хатли», в поэме «Искандарнома», на которой поскакал Искандар не осталась вне поля его внимания. Именно поэтому нельзя отделить его национальность: турок он или перс-таджик. Он знает и любит обе традиции – тюркское и персидско-таджикское.

Четкое представление о тюрко-таджикских согдийцах дают строчки великого поэта Алишера Навои о красавице:

Нигори турки тоҷикам, кунад сад хона вайрона,

Бад-он мижғони тоҷиконаю чашмони туркона.

Дословно:

Моя турко-таджикская красавица может разрушить сто домов (семей),

С таджикскими ресницами и тюркскими глазами.

Сам Низами в поэме «Лейли и Меджнун» о причине сочинения книги говорит:

Дар зевари порсиву тозӣ

Ин тозаарӯсро тарозӣ,

Донӣ, ки ман он сухан шиносам,

К-абёти нав аз куҳан шиносам.

Туркӣ сифати вафои мо нест,

Туркона сухан сазои мо нест.

Он к-аз насаб баланд зояд,

Ўро сухани баланд бояд [7, с. 23].

Здесь поэт говорит, что его поэма драгоценность персидско-таджикского языка (обратите внимание, что он использует совместно с персидским слово «тозӣ», т.е. таджикский) языка и пусть каждый знает, что Низами знает цену словам. Называя персидско-таджикским свой язык, он также оповещает, что его язык является именно таджикским персидским. Далее он говорит, что его новый язык (нынешний язык) корнями уходит в старый (тут имеется в виду, что он пишет в хорасанском стиле, который является для него потомственным, т.е. он пишет на языке своих предков – таджикском). Недаром представители персидской интеллигенции, филологи признают, что «Низами – не персидский поэт, он жил и работал в азербайджанской среде, и стихи его непонятны персу» [5, с. 266]. Далее в словах и «здесь тюркские качества и слова несовместимы» поэт имеет в виду, что, в поэзии не стоит показывать свой тюркский дух (более грубоватый), так как кто рожден из титульного (знаменитого) рода (Афшин), говорить ему надобно на языке имеющий высокий статус (здесь имеется в виду персидский язык).

Туркӣ сифати вафои мо нест,

Туркона сухан сазои мо нест.

Ҳар к-аз насаби баланд зояд,

Ўро сухани баланд бояд [7, с.23].

В вводной части «Хамсы», изданной в Душанбе в 2012 г. (под ред. Музаммала Фузули, Али Мухаммади Хуросони и Мубашшира Акбарзод) правильно предсказали, что Низами жил в Гяндже, на территории современного Азербайджана, и писал свои произведения на родном языке — дари (персидский, таджикский) [8, с.8].

Низами никогда не скрывает, что он турок, возвеличивая красоту турчанок, тюркские блюда, их силу и богатырскую славу, иногда подчеркивает и арийские корни турков. Но когда речь идет о языке он возвеличивает персидский язык, называя его «языком тозӣ», (тозӣ – таджикский), свой язык он без колебания отводит

к персидскому-таджикскому. Нет сомнения, что Низами, выросший в семье афшинов-согдийцев, по генеалогии относится к числу персидско-тюркского (таджикско-узбекского) смешанного рода.

В 1951 г. была тиражирована фундаментальная монография Расулзаде, посвященная творчеству великого поэта Низами, где он утверждает: «...кто смеет сказать «он не тюрк» поэту, который называет а) красивого и великого – тюрком, б) красоту и величие – тюркизмом, в) красивое и великое слово – тюркским, г) страну красоты и величия – Туркестаном. В эпоху, когда жил Низами, язык, как таковой, не имел значения, с точки зрения же чувств, души, патриотических аргументов, доказывающих тюркское происхождение, поэта, не одно, а тысячи» [9, с.32]. Действительно много споров сказаны в обе стороны – Низами тюрк и Низами перс. В реальности на протяжении всех своих поэм он неоднократно напоминает о тюрках и Туркестане, возвеличивая тюрков на великом персидско-таджикском языке.

Этноним Туркестан, впервые был зафиксирован в «Авесте», постепенно лег в основу топонима Туран, который упоминается в поэме Фирдоуси «Шахнаме» и другой среднеперсидской религиозной и исторической литературе. В эпоху сасанидского царя Шапура I (правил в 242 – 272 гг.) среди персов входит в употребление название Туристан (Turistan), которое было распространено наряду с названием Туран (Turan) и имело аналогичное с ним значение – «страна туров». В дальнейшем в Сасанидских печатях III – IV вв. наряду с названиями Туран и Туристан упоминается также название Тургистан (Turgistan) в качестве их эквивалента. Позднее, в эпоху

эфталитов (V в.) и тюрков (VI – VIII вв.), оно было преобразовано в «Туркистан» (или Туркестан), что означает «страна тюрков». Название Туркестан, т.е. «страна тюрков» географически охватывало территорию по бассейнам рек Амударьи, Сырдарьи и Тарима [4, с.46], где не только живут тюрки, но и таджики.

Поэтому он часто напоминает мифического царя Турана Афрасияба, который является «прародителем» Махин-Бану (в поэме «Хосров и Ширин»), тюрчанка Ширин, которая тоже ведет свою родословную от тюрка Афрасияба, сама Махин-Бану, и государь Хотана, китайского Туркестана (в поэме «Искендернаме»), Тогрулбек – основатель династии Сельджукидов (в поэме «Искандернаме») и многие другие.

Исследователь Р.Шарифзода говорит: Туркестан, Туран, туры широко были освещены и в других поэмах до Низами. Так, например, Фирдоуси называет Афросияба по разным именам, которые характеризуют смелость, доблесть и отвагу туров, тюрков или туранцев: «Афрасияб с самого начала предстаёт как яркая фигура. Он прекрасно понимает свои интересы и интересы Турана. Он считает себя «достойным войны львов». Поэт (Фирдоуси) представляет его великим вождём Турана, называя «чаҳонпахлавон» (богатырём мира), «диловарнаҳанг» (храбрым драконом), «наррашер» (самцом львом) и «пили чангӣ» (воинствующим слоном) [10, с.202].

Действительно, коренные арийские народы, от оазиса Хазарского моря, где в Хазарский каганат входила северокавказская территория и треугольный выступ к северу между Нижним Доном и Нижней Волгой, в Турции, Центральной Азии, Афганистане, Иране до Китая жили и поныне живут тюркские народы, часто имеющие кровное родство с таджиками (персами), говорящие на двух языках, т.е. билингвы.

Также необходимо отметить, что Низами писал на языке «форсии дари» (форсии кобули, кобули, афганский персидский), это диалект персидского языка афганских таджиков, хазарейцев и др. этнических групп Афганистана. Дари считается архаичной формой новоперсидского языка и наиболее близок к классическому персидско-таджикскому языку. Язык дари, начиная от Рудаки (X в.) и до Джами (XV в.) совершенствовалась и его литературная норма, была в дальнейшем подкреплена авторитетом могущественной династии Тимуридов. Этот язык охватывает не только Афганистан, но и весь регион Центральной Азии.

Также и Хорасанский литературный стиль (сабк) поэм Низами подтверждают наше предположение о том, что язык Низами был дари и он имел отношение к Центральной Азии прежде всего в связи с происхождением своих предков. Другим аспектом данного предположения является и то, что поэзия на персидском сначала появилась и стала развиваться в XI веках, во дворце Саманидов в Бухаре и их преемниках Газневидах (тюрко-таджикское), центрированное в восточном Иране и Афганистане. В 1040 после завоевания Сельджуками территория и могущество Сельджуков продвинулась в сторону Ирака (были арабоязычными). В Азербайджане, когда в двенадцатом веке Сельджуки расширили свой контроль, их наместники в регионах, фактически автономные местные принцы, поощряли персидскую письменность. К середине двенадцатого века, среди поэтов распространился «азербайджанский» стиль поэзии персидского языка, который контрастировал с «хорасанским» или «восточным» стилем в своей риторической сложности [11, с. 8].

Вот почему развитие персидско-таджикской поэзии в Ираке и Азербайджане в XII веке укрепило литературное движение в этом регионе и во второй половине XII века здесь появились известные писатели [1, с.9].

С другой стороны, сам азербайджанский язык относится к юго-западной ветви тюркских языков. Он восходит к языку огузских племён Центральной Азии 7—11 вв., который явился языком-предшественником для нескольких современных тюркских языков и турецкого языка. В процессе развития эти языки изменились как в фонетической структуре, грамматическом строе, так и в словарном составе» [2]. Это говорит о том, что турки, которые жили в XII в., т.е. в период жизни поэта Низами, все же имели прямое отношение к огузам – выходцами из Центральной Азии, а значит и с таджиками, которые жили рядом и зачастую были связаны родственными узами с огузами-тюрьками. Поэтому сельджуки всегда стремились поддерживать таджикско-персидский язык, где бы они не были.

Наконец, подтверждением того, что он все-таки является представителем согдийских народов является и то, что он пишет на языке дари и использует чисто таджикские слова. Например, в поэме «Семь красавиц», повесть «О причине создания книги» он говорит:

Низомӣ, ки назми дарӣ кори ӯст,
Дарӣ назм кардан сазовори ӯст.
Чунон гӯяд ин номаи нағзро,
Ки равшан кунад хонданааш мағзро.
Дили дӯстон бад-ӯ нур бод
В-аз ӯ дидаи душманон дур бод.

Кроме лафзи дари, здесь использован слово «нағз», которое встречается только в согдийском наречии персидского языка, в остальных случаях вместо «нағз» используется «хуб» или иные значения этого слова.

Таким образом, поэмы Низами Ганджави представляют собой не только выдающееся литературное наследие, но и важнейший источник для изучения этногеографии, истории и культурных связей народов Центральной Азии. Его произведения отражают синтез традиций и ценностей различных этнических групп, таких как таджики и турки, происходящих от древних арийских корней. Через упоминания исторических личностей, династий и культурных особенностей, Низами документирует сложные процессы этнокультурного взаимодействия, происходившие на территории Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Туркменистана и др. регионов. Изучение поэм Низами как источника историко-культурного наследия имеет не только научное, но и прикладное значение, особенно в контексте воспитания ценностей гуманизма, взаимоуважения и исторической преемственности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдуллоев А. Адабиёти форсии тоҷикӣ дар Озарбойҷони асри XII. Душанбе: «Дониш», 2004. – 102 с.
2. Брянцева Г.Г., «Азербайджанский язык», БСЭ // <http://bse.uaio.ru/BSE/0102.htm> (дата обращения: 16.07.2025).
3. Зейналова Г. Обзор исторических и культурных взаимосвязей тюркских народов Центральной Азии и Азербайджана (с древнейших времен до конца XVIII в. // <https://www.turkishnews.com/ru/content/2014/09/20/ОБЗОР-ИСТОРИЧЕСКИХ-И-КУЛЬТУРНЫХ-ВЗАИМ-> (дата обращения: 30.06.2025).
4. Камолиддин Ш.С. Заметки по древней и средневековой истории Чача. Ташкент: ТашГИВ, 2008. – 88 с.
5. Марр Ю.Н. Статьи и сообщения, Собр. соч. т. II, М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 314 с.

6. Низомии Ганҷавӣ. Хамса: Искандарнома – Душанбе: «Адиб», 2012. – 480 с.
7. Низомии Ганҷавӣ. Хамса: Лайлию Маҷнун, Ҳафт пайкар – Душанбе: «Адиб», 2012. – 480 с.
8. Низомии Ганҷавӣ. Хамса. Душанбе: «Адиб», 2012. – 672 с.
9. Мамедов Э. В. Некоторые сведения о наследии великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви // Научные известия. 2021. №23. – с. 27–33.
10. Шарофзода Р. Турон. Таърихи қадимтарин ва қадим. – Душанбе: «Ирфон», 2006, – 320 с.
11. Julie S. Meisami, introduction to English translation of "Haft Paykar: Medieval Persian Romance", Oxford University Press: New York, 1995. – 368 с.